

На город Ч-ц падал снег вперемешку с редкими осенними листьями, которые к этому времени ещё не успели все облететь. Он засыпал довольно паршивую и грязную улочку, кружился в жёлтом свете редких фонарей, погребал под собой лежащую на обочине сбитую кошку. Было 11 вечера, и я пытался добраться до проспекта, чтобы там сесть на автобус. Дорога вела меня мимо центрального городского парка. Я поднял голову и увидел на фоне неба неясные очертания чёртова колеса, из-за идущего снега казалось, что оно тихонько качается под порывами ветра. Когда-то в детстве я любовался, открывающимися с него, видами нашего города. Почему-то очень хотелось прыгнуть ... Но потом я всё реже и реже стал бывать здесь, парк приходил в запустение - перестройка подарила людям новые возможности для культурного отдыха. Сейчас же я предполагал, что в парке нет ни одной живой души, кроме, может быть, сторожа или маньяка, кои у нас в вологодских лесах водились в крайне малом количестве. _Через несколько метров впереди в заборе виднелась выпиленная чьей-то заботливой рукой дыра. "Это судьба", - подумал я и шагнул в неё. Презрев все преграды в виде зарослей кустарника, я прорывался к колесу. Его чёрная громада уже нависла надо мной. И самое удивительное - оно действительно вращалось! Скрипели и стонали несмазанные механизмы, ещё более отчётливо слышимые в тишине позднего вечера. Я прошёл через открытую калитку на аттракцион и увидел то, чего меньше всего ожидал увидеть в этот момент - в круглой, открытой всем ветрам кабинке чёртова колеса сидела девушка, или даже скорее девочка. На вид ей было около 16-ти лет. Я шагнул к ней и сел напротив, платформа подо мной качнулась и стала медленно возноситься над окружающим миром. Я получил возможность подробнее рассмотреть мою случайную попутчицу. Чёрное каре обрамляло её симпатичное, аккуратное личико немного более белое, чем у обычных девчонок, волосы слегка засыпаны снегом, одежду я не запомнил, в памяти остался только длинный бордовый шарф, обмотанный вокруг шеи и делавший её чрезвычайно беззащитной и мягкой. В довершение ко всему она плакала. Некоторое время мы сидели и молча смотрели друг на друга. Наконец я не выдержал и спросил:

- Почему ты плачешь?

- Потому что мне грустно, - ответила она и слабо улыбнулась, - мне часто бывает грустно в такое время, не обращай внимания.

Я изобразил на лице понимание.

- Значит, я оказался здесь, чтобы тебя развеселить.

- Интересно, как? - она заметно оживилась и смотрела на меня ясными, чуть прищуренными глазами. В этот момент мы достигли вершины. Ветер тут был особенно сильным. Он трепал её причёску и развеивал шарф, делая похожей на маленького принца из книги Экзюпери.

- Тебе очень идут снежинки в волосах, - произнёс я.

Она вдруг встала, взяла меня за руку, подвела к краю платформы и облокотилась на довольно хлипкое ограждение. Внизу, как в тумане, раскинулся парк, облагороженный выпавшим снегом. Немного в стороне от нашего аттракциона стоял небольшой домик. Я вспомнил, что это, вроде, комната смеха, и тут меня посетила блестящая идея.

- Когда спустимся, пойдём в комнату смеха, - предложил я, - по идее, это должно быть самым весёлым местом здесь.

- Да, мы будем хохотать! - вдруг неожиданно воскликнула она и повернулась ко мне, - но нет времени ждать, идём прямо сейчас! прямо сейчас!..

Мы подошли к границе, за которой начиналась пустота, отстегнули цепочку и, взявшись за руки, прыгнули вниз: По лицу стегнуло холодным ветром. Страху почему-то не было, только восторг, переходящий в эйфорию. Её глаза горели, она сильно сжимала мою ладонь и, кажется, что-то кричала. Я плохо разбирал слова, шалея от ощущения свободного падения. Причём, мы скорее летели, чем просто падали. Нас несло прямо на дом, и я уже мог разобрать потрескавшиеся от времени узоры на стенах.

Земля приближалась. Нас протащило несколько метров по снегу. Ещё где-то полминуты мы лежали обнявшись и приходили в себя, потом встали, посмотрели друг на друга и рассмеялись. Было от чего - вся наша одежда стала белой, в волосах запутались жёлтые и красные листья. Мы даже не стали отряхиваться, а прямо так направились к дверям, которые распахнулись от одного прикосновения. Как это ни странно, но внутри горел свет. На стенах висели изогнутые зеркала, отражая нас в самых немыслимых вариантах. На полу в самом углу комнаты стоял древний граммофон с истёршейся от времени позолоченной трубой. Моя новая знакомая подбежала к нему, крутанула несколько раз ручку завода и опустила иглу. Закрутилась старинная пластинка, и из трубы вперемешку с хрипами и шипением полилась музыка молодости наших прадедушек и прабабушек.

- Кстати, я так и не представилась, друзья зовут меня Винди, давай танцевать, дай мне руку. Я протянул ей руки, она схватила меня и потащила на середину комнаты. В такт музыке мы стали кружиться на месте, протянув друг другу руки. Вместе с нами в зеркалах кружились ещё десятки пар невероятных очертаний. Вокруг разносился её звонкий смех. Музыка всё убыстрялась, мелькание в глазах тоже. Шарф змейёй соскользнул на пол, короткое пальто, заляпанное снегом, полетело в сторону. Вскоре из одежды на ней осталось только девственно белое нижнее бельё и ботинки. Поначалу я даже слегка опешил от такого поворота событий, но уже через несколько секунд она впилась в мои губы поцелуем. Моя рука легла ей на грудь, другой я прижимал её к себе. Она пыталась стащить через голову мой свитер, одновременно с этим я растёгивал её лифчик. Моим глазам открылись две великолепные девичьи грудки. Нельзя сказать, что они уже были, как у взрослой женщины, но и детскими назвать их язык тоже не поворачивался. Девочка легла на разосланное пальто, и я последовал за ней. Начав целовать её соски, я опускался всё ниже и ниже. Она развела ноги в стороны, я провёл языком по открывшемуся треугольнику трусиков. Она слегка напряглась, выгнув спину, и прижала мою голову к своей промежности. Трусики уже были мокрыми. Я отвёл их в сторону, открыв для себя истекающее соком юное влагалище шестнадцатилетнего создания. Даже если на нём что-то и росло, это было гладко сбрито. Я развёл пальцами её губки и поцеловал в засос. Потом прошёлся по всем складочкам и выемкам. Винди с силой прижимала моё лицо к своей киске так, что клитор тёрся о мой нос. Её трясло, состояние было близко к обмороку. Преодолевая сопротивление, я слегка отстранился, освобождая место для манёвра. Мне казалось, что влагалище пульсирует в такт биению её сердца. Я облизал средний палец и медленно ввёл его туда. Она уже давно была не девственницей. Она вздохнула и ещё сильнее развела ноги. Я добавил второй палец и стал медленно водить ими в её пещерке. Она томно застонала и начала пощипывать свои соски. Я увеличивал темп и одновременно ласкал губами и языком её клитор, вторая рука гладила её восхитительную персиковую кожу. В это время Винди вскрикнула и изогнулась, чуть ли не мостиком - она кончала, кончала долго и

красиво. В этот момент она была особенно прекрасна. С неё можно было писать картину. Она лежала неподвижно, разметавшись по полу, сочетая разврат с детской непорочностью.

Неожиданно распахнулась дверь, и в внутрь ворвался холодный ветер. Снежинки залетали в комнату и опускались на тело Винди, не тая. Она не обращала на это ни какого внимания. Я лёг рядом с ней, обнял и хотел согреть своим теплом:

Я очнулся в парке на скамейке. Было уже далеко за полночь. Я пошёл по аллее, думая о том, что со мной произошло, и не сон ли это, но, чёрт возьми, даже если это и так, он едва ли сотрётся из памяти. Я уходил и у ворот оглянулся назад - на самом верху чёртова колеса висел знакомый алый шарф:

Ноябрь, 2002 год.